ЦЫГАНЪ.

(Пустобайка.)

Цыгану, который отбился отъ табора для промысла, пошла такая неудача, что онъ всей семьей цѣлый мѣсяцъ прожилъ безъ хлѣба, и еслибъ спросить его, чѣмъ они жили, что ѣли, то онъ бы и самъ этого не могъ сказать. Наконецъ пришло такъ круто, что онъ рѣшился уйти на время отъ семьи и бросить ее: авось я на сторонѣ что–нибудь скорѣе промыслю, а они – да какъ себѣ знаютъ; сироткамъ безъ меня еще скорѣе кто–нибудь подастъ милостыню, чѣмъ при мнѣ; а работы кузнечной здѣсь нѣтъ, въ цѣлый мѣсяцъ и гвоздя не выковалъ, да къ тому еще и голодъ: вишь въ какіе края зашли; мужики сами безъ хлѣба....

Заложилъ онъ кобылку свою и поѣхалъ тайкомъ, не сказавъ женѣ, куда и зачѣмъ. Ѣдетъ черезъ плотинку, — сломалась ось. Онъ взялъ топоришко свой, чтобы вырубить жердь и подвести подъ ось, влѣзъ

на вербу, сталъ на сукъ и рубитъ его. Мужикъ идетъ мимо; посмотрѣлъ и говоритъ: цыганъ, что ты дѣлаешь! сидишь на суку, а самъ его рубишь; гляди, скоро въ водѣ будешь! — Цыганъ поглядѣлъ на мужика, сказалъ: «поди, приведи сюда своего батька, такъ я и того еще научу!» и продолжалъ рубить, а мужикъ пошелъ своей дорогой. Скоро затѣмъ сукъ обломился и цыганъ торчмя головой полетѣлъ въ воду. Русскій человѣкъ отвѣтилъ бы на оберегъ прохожаго: ничего, онъ сперва затрещитъ; а цыгана вишь и на это не достало. Ну, за то онъ искупался.

Выскочивъ изъ воды, онъ побѣжалъ въ догонку за мужикомъ и присталъ къ нему: почему ты зналъ, что я буду въ водѣ? Развѣ ты все знаешь? — Все. — Отчего же ты все знаешь? — Оттого, что я цыганскій богъ. — Такъ, можетъ быть, ты знаешь, когда я умру? — Знаю. — Скажи, сдѣлай милость, скажи! — Вы же сами знахари и ворожеи, такъ и это должны знать. — Да, мы ворожеи для васъ, а не для себя; а ты скажи мнѣ правду, когда я умру? — А вотъ

какъ подвяжешь жердь, да поѣдешь въ гору, то коли лошадь твоя чихнетъ да фыркнетъ три раза, такъ ты за третьимъ разомъ и помрешь; только твоего и вѣку.

Цыганъ воротился бѣгомъ, будто самъ торопился исполнить судьбу свою, умереть, починилъ кое–какъ повозку и сталъ подыматься на гору: тощая кобылка его насилу везла порожнюю телѣженку, а самъ онъ шелъ пѣши и понукалъ; фыркнула кляча разъ, потомъ въ полу–горѣ другой — и цыганъ готовъ къ смерти: фыркнула третій — онъ бросилъ поводья и упалъ, какъ шелъ по дорогѣ, и лежитъ; лошадь отошла въ сторону и начала пастись.

Долго ли лежалъ мертвый цыганъ на дорогѣ, нѣтъ–ли, какъ ѣдетъ помѣщикъ: цыганъ хотѣлъ посмотрѣть, кто ѣдетъ, и вдругъ приподнялъ голову, а лошади испугались его и понесли. Остановивъ ихъ подъ горой, баринъ послалъ кучера посмотрѣть, кто лежитъ тамъ и зачѣмъ. Кучеръ приходитъ и допрашиваетъ цыгана, — а цыганъ, говоритъ только: не *рушь* меня, добрый человѣкъ, бо я уже

вмеръ. — Иди, говорю, къ пану, панъ кличетъ? — А какъ же я пойду, когда я уже померъ? — Баринъ услышалъ это и, разсердившись, закричалъ: бей дурака кнутомъ! — Кучеръ стегнулъ его порядкомъ, а онъ вскочилъ на ноги и побѣжалъ, закричавъ: ой, да какже больно и на томъ свѣтѣ дерутся! Баринъ однако сжалился надъ нимъ, приказалъ дать ему грошъ и уѣхалъ.

Цыганъ подумалъ, ощупалъ себя по рукамъ и по ногамъ, взялся за голову, оглянулся кругомъ, попробовалъ кашлянуть и убѣдился, что онъ живъ. Видно, то былъ не настоящій цыганскій богъ, сказалъ онъ, а вотъ это настоящій, который меня оживилъ. Что же теперь мнѣ дѣлать? Поѣду купить на грошъ товару: сѣлъ, поѣхалъ, и всю дорогу чистилъ грошъ свой, чтобъ онъ былъ свѣтлый. Пріѣхалъ онъ на рынокъ, и какъ у него тутъ съ голодухи глаза разбѣжались, глядя на съѣстное, то онъ и положилъ купить на грошъ; чего больше дадутъ. Приходитъ онъ въ лавку и спрашиваетъ: сколько на грошъ вотъ этого

меду? — А только одинъ разъ лизнуть съ лопаточки, сказалъ купецъ. — Цыганъ отвернулся и увидѣлъ бабу, которая несла цѣлую охапку хрѣну. — Что дала за хрѣнъ? — Да такъ, грошъ за беремя. — Обрадовавшись, что этого добра много даютъ на грошъ, онъ пошелъ и купилъ цѣлое беремя хрѣну: хоть печь топи! — Тотчасъ онъ принялся его ѣсть, и слезы потекли у него ручьями изъ глазъ. Плачьте очи, сказалъ онъ; сами видѣли, что покупали.... Но когда ему не въ мочь стало, то онъ выпустилъ изъ–подъ мышки беремя, а поплакавъ и подумавъ, сталъ подчивать имъ свою отощалую кобылу; когда же и та стала отворачиваться отъ такого добра, то съ отчаянья и голодухи рѣшился продать ее съ повозкой, и промышлять пѣшкомъ. Издохнетъ лошадь, кричалъ онъ, ставъ на треколую тележку свою, сей часъ издохнетъ, покупайте поскорѣе, да покормите, тогда увидите, какого звѣря купили: семеры сутки била–носила, семеры сутки не ѣвши стояла, семеры сутки не поена! А, какова лошадка? А? Поглядите, у

кого глаза во лбу есть, сами увидите, сами скажете, сами благодарить будете, придете цыгану руки цѣловать: вотъ какова лошадка!

Возгласы эти, позабавивъ и насмѣшивъ людей, привлекли однакоже и таковскихъ покупателей; хоть за три алтына, да продана лошадь, съ цыганской сбруей и телѣжкой, и цыганъ мой наѣлся досыта, въ первый разъ послѣ долгаго времени. Но цыгану въ городѣ и на торгу тѣсно; онъ продалъ, что надо было, купилъ, что можно было, а ѣсть выбрался въ чистое поле; тутъ онъ и насытился, и отдохнулъ спокойно и роскошно, не опасаясь докуки цыганки своей и цѣлаго гурта нагихъ ребятъ, брошенныхъ на произволъ судьбы. Полежавъ, увидѣлъ онъ издали человѣка съ ружьемъ и, подошедъ къ нему, поздоровался и спросилъ: ты кто таковъ? — Я охотникъ, иду дичь стрѣлять. — Ну, и я охотникъ, сказалъ цыганъ, такъ пойдемъ вмѣстѣ. — Пожалуй, пойдемъ; да чѣмъ же ты стрѣляешь? — А вотъ увидишь; покажи ты мнѣ прежде, чѣмъ ты стрѣляешь, тогда и

я покажу. Пошли; выскочилъ заяцъ, охотникъ его убилъ: вотъ, говоритъ, я свое сдѣлалъ! — Стали подходить къ деревнѣ; ходитъ свинья съ поросятами: цыганъ погнался за ними, поймалъ поросенка, посадилъ его въ мѣшокъ, и говоритъ: а теперь я свое сдѣлалъ; вотъ какъ я стрѣляю!

Остановились на ночлегъ и положили испечь на угляхъ поросенка. Охотникъ взялся стряпать, а цыганъ уснулъ. Проснувшись на самой зорькѣ и увидавъ, что охотникъ возится подлѣ него, а огонекъ еще дымится, цыганъ думалъ, что все еще вечеръ, тогда какъ товарищъ его ужъ собирался въ походъ: — ну, братъ, сказалъ цыганъ, давай же ужинать! Я было заснулъ немного, да во снѣ видѣлъ, будто я былъ у царя въ гостяхъ, и ѣлъ такія сласти, что жаль было разстаться! — То–то, отвѣчалъ охотникъ, напрасно ты тамъ и не остался, у царя въ гостяхъ; а я ждалъ, ждалъ тебя, да не дождавшись и съѣлъ поросенка! — Какъ такъ? Да, вѣдь, это я все во снѣ видѣлъ! — А я почему зналъ, что во снѣ, ты не

сказалъ мнѣ напередъ! — Брошу я тебя, сказалъ обиженный цыганъ охотнику, ты недружный человѣкъ, съ тобой нельзя водиться. Пойду искать счастья!

И приходитъ онъ въ лѣсъ къ землянкѣ, гдѣ жилъ извѣстный силачъ, разбойникъ, со своею матерью. Сила у этого разбойника была не людская, а львиная, и никто не могъ съ нимъ совладать. Удивившись, что смѣлый человѣкъ къ нему зашелъ, онъ спросилъ цыгана: какой ты человѣкъ? что надо? — А я, отвѣчалъ тотъ, такой человѣкъ, что за поживой хожу; за тѣмъ и пришелъ. — Такъ что жъ ты помѣряться, что ли, силами хочешь? — А, пожалуй, мѣряй, коли достанешь. — Матушка, сказалъ тотъ, разсуди насъ: вотъ пришелъ человѣкъ, говоритъ, что онъ сильнѣе меня! — Подите жъ вы вмѣстѣ изъ колодца воду таскать; кто больше подыметъ ея и унесетъ на себѣ, тотъ и сильнѣе. — Приходятъ къ колодцу, разбойникъ вытащилъ огромную бадьищу воды, приподнялъ, поставилъ опять и говоритъ: на, неси, коли сможешь! — Зачѣмъ?

спрашиваетъ цыганъ. — Я такъ не ношу воды, и самъ принялся вить претолстую веревку. — Это что будетъ? — А вотъ погоди, такъ увидишь: я весь колодязь притащу къ твоей матери! — Постой, сказалъ тотъ, не надо; пойдемъ такъ: и разсказалъ все матери. Ну, сказала она, такъ подите жъ теперь камни давить, кто сильнѣе надавитъ!

Пошли; разбойникъ положилъ камень на камень, налегъ и подавилъ — искры посыпались и камень въ песокъ разсыпался; а цыганъ, который успѣлъ уже въ землянкѣ разбойника украсть пирогъ, положилъ его, накрылъ камнемъ, подавилъ и сказалъ: нешто такъ камни давятъ, по твоему? У насъ вотъ какъ: гляди, бахвалъ, видишь ли, сокъ пошелъ! — Вижу, сказалъ тотъ, и пошелъ; доложилъ объ этомъ матери. Ну, такъ идите жъ на послѣднiй споръ: кто больше дровъ наберетъ въ охапку и принесетъ сюда, тотъ будетъ сильнѣе. Пошли на буреломное мѣсто и разбойникъ сталъ собирать въ кучу валежникъ; цыганъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на

него, покачалъ головою и сказалъ: ахъ ты дурень, сердечный! да нешто такъ дрова носятъ? — А какъ же? — Да понашему вотъ какъ: поди–ко, принеси мнѣ веревку, что я началъ вить у колодца? — Ну, а тамъ что? — А тамъ совью я ее всю, да обнесу вокругъ всего лѣсу стоячаго, свяжу его въ одну охапку и принесу къ вамъ. — Нѣтъ, постой, надо матери сказать; куда жъ намъ дѣвать послѣ столько дровъ? Это со стороны примѣтно будетъ, и люди насъ найдутъ; погоди. — Матушка, вотъ такъ и такъ: не лучше ль намъ съ этимъ гостемъ помириться, чтобъ онъ съ Богомъ отъ насъ ушелъ? — Ну, мирись, сынокъ. — Что возмешь, богатырь почтенный, чтобъ уйти отсюда и насъ больше не знать? — Давйте мѣдныхъ денегъ, сколько унесу! — Сколько есть, бери, сказалъ разбойникъ, подумавъ про себя: пропали мы теперь! Онъ все унесетъ, и серебромъ и золотомъ ему не доплатишься! — Но цыганъ нагребъ въ мѣшокъ, сколько подъ силу поднять человѣку, а денегъ открыли ему цѣлую яму, — и, взваливъ ношу на плеча, онъ

простился и пошелъ. Разбойникъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ: ну, матушка, либо это человѣкъ больно стыдливый, либо онъ насъ съ тобой одурачилъ. — А что? — Да денегъ–то онъ унесъ мѣшокъ, что мнѣ однимъ пальцемъ нечего подымать! — Ну, сказала мать, въ другой разъ придетъ, такъ мы его проучимъ!

Цыганъ пришелъ къ женѣ и дѣтямъ, заставилъ всѣхъ ихъ перечистить пятаки, закопалъ ихъ подъ свою наковальню въ землю, доставалъ оттуда по горсточкѣ и сталъ жить да поживать.

Покуда велись у него деньги эти, цыганъ по неволѣ стоялъ съ шатромъ своимъ на одномъ мѣстѣ, потому что оберегалъ кладъ, да и подняться было ему неначемъ, лошаденки нѣтъ. Прискучилось ему, правда, жить на одномъ мѣстѣ, какъ живетъ дубъ или чертополохъ, который приросъ корнями къ землѣ, — да какъ быть? — Покуда велись у цыгана мелкія деньги, онъ жалѣлъ ихъ; доставалъ по пятакамъ да по гривнамъ, а отсчитать въ одинъ разъ

мелочью рублей тридцать за лошаденку, на это онъ не рѣшался; а когда кладъ сталъ приходить къ концу, то было ужъ поздно. Молчи, сказалъ онъ женѣ, я видѣлъ сонъ, что раздобуду коня; не тужи, будетъ такъ: сонъ никогда меня не обманывалъ!

Невдалекѣ отъ цыганскаго кочевья жилъ баринъ, большой шутникъ и проказникъ, который особенно тѣшился всегда тѣмъ, когда могъ разсердить или одурачить кого нибудь. Вотъ онъ и придумалъ штуку: объявилъ, что хочетъ постричься и все наживное добро свое раздарить бѣднякамъ и вообще добрымъ людямъ. Разумѣется за этими добрыми людьми, охотниками до подарковъ, дѣло не стало. Приходитъ мужикъ, кланяется униженно, жалуется на бѣдность свою и проситъ барской милости. — Чтожъ тебѣ надо? спрашиваетъ баринъ. — Да что пожалуете, батюшка, что милость ваша будетъ, всѣмъ останемся премного довольны. — Ну, чтожъ, подарить тебѣ добрую соху? — Благодаримъ покорно — а самъ стоитъ и чешетъ затылокъ. — Ну, и еще что нибудь? Не

коровку ли? — Благодарны много милости вашей..... А самъ все еще стоитъ, не будетъ ли еще чего. — Чтожъ, мужичекъ, можетъ статься тебѣ этого мало, не поправишься съ этого? — Да коли милость ваша будетъ, такъ пожалуйте еще что нибудь.... Какъ, закричалъ баринъ, ахъ, ты ненасыть, видно глазъ твоихъ ничѣмъ не накормишь? Люди добрые, подите сюда, разсудите насъ вотъ съ этимъ человѣкомъ: мужичекъ пришелъ попросить у меня что нибудь на бѣдность; я подарилъ ему соху — говоритъ: мало; подарилъ я ему еще корову — говоритъ: мало; чтожъ, развѣ такъ благодарятъ за подарки? Развѣ ты пришелъ ко мнѣ подати съ меня собирать, что ли? — Кирюшка, дай ему добраго подзатыльника, да вытолкайте его мошенника со двора!....

Приходитъ другой въ крѣпко изорванномъ, худомъ армякѣ; баринъ подозвалъ его, пожалѣлъ объ немъ и кричитъ: эй, принесите сюда хорошіе кучерскіе кафтаны! — Принесли, стали перебирать и разсматривать, который отдать бѣдняку: кучеръ выбралъ было одинъ, но

баринъ велѣлъ откинуть его вовсе, сказавъ, что этотъ не годится: хорошему–де человѣку надо подарить и хорошую вещь. Вотъ этотъ отдай, — сказалъ онъ, указавъ на одинъ изъ самыхъ плохихъ, на–ко, мужичекъ, накинь на себя да погляди, ладно ли будетъ? — А у нашего мужичка, глядя на щегольскіе кафтаны, что передъ нимъ разложили, глаза разбѣжались. Власть ваша, батюшка, отвѣчалъ онъ, а самъ косился на лучшую одежу.... Однако, спросилъ баринъ, говори! — Да коли ужъ милость ваша будетъ, такъ хоть бы вонъ этотъ кафтанишко пожаловали, указывая на лучшій и самый новый.... Хорошо, мужичекъ, возьми; отдайте ему этотъ! — Ну, что, хорошъ? — Какъ не хорошъ, батюшка, дай Богъ вамъ здоровья.... А между тѣмъ, надѣвъ щегольскій кафтанъ, мужикъ, охорашиваясь, похлопывалъ себя руками по поламъ и все еще косился въ бокъ, туда, гдѣ лежала одежа. — Ну, чтожъ, мужичекъ? сказалъ баринъ ласково, договаривай! — Да, ужъ колибъ такая милость ваша была, такъ не пожалуете ли

на бѣдность вотъ и кушачка, да шапочку.... — Ахъ, ты воръ, безстыжіе глаза! Слышите, люди добрые? Далъ ему кафтанъ — не хорошъ, дай другой, что ни-есть лучшій; отдалъ ему и этотъ — такъ и того мало, говоритъ: подай мнѣ кушакъ и шапку? Въ зашей его, ребята, да хорошенько, бей въ шею со двора!

Опять другому приказалъ онъ пріѣхать на своей лошаденкѣ, обѣщавъ дать деньженокъ. Тотъ пріѣхалъ, баринъ и велѣлъ пустить его въ кладовую, заваленную мѣшками съ мѣдными деньгами, сказавъ: вотъ, любезный, наваливай смѣло, бери сколько надо!

Какъ глянулъ гость въ кладовую, такъ у него руки задрожали и ножки подкосились.... Принялся онъ таскать, да валить на телѣгу: не глядитъ онъ, сколько на возу навалено, а все у него глаза разбѣгаются на кучи мѣшковъ въ кладовой: таскалъ, таскалъ, наконецъ остановился, почесалъ затылокъ, видитъ, что навалилъ возъ большой. Погоди, думаетъ, хоть попробую, свезетъ ли проклятая лошаденка

моя.... взялъ возжи въ руки, сталъ нукать — ни съ мѣста; подперъ мужичекъ грядку плечомъ, дергаетъ лошаденку, хлещетъ подъ брюхо кнутикомъ — та бѣдная только вертится да топчется, да фыркаетъ, да крутитъ хвостомъ и головой, а сама ни съ мѣста.... — Стой, стой, закричалъ баринъ, что ты это дѣлаешь? Ахъ, ты подлецъ! Я тебѣ велѣлъ забрать денегъ въ волю, а ты навалилъ, что и лошадь не везетъ! — Сваливайте долой, возмите–ка у него кнутъ, да, настегавши ему хорошенько спину, гоните со двора!

Вотъ объ этомъ–то баринѣ услыхалъ нашъ цыганъ въ то самое время, когда у него пятаки всѣ вышли, сидѣть на мѣстѣ соскучилось, а лошаденки не было. Пришелъ онъ къ нему на дворъ, ходитъ, поглядываетъ, то опять постоитъ у воротъ, держа шляпу въ рукахъ, и дождался наконецъ, что люди разспросили его и доложили барину, что–де цыганъ какой–то пришелъ, по наслышкѣ, просить лошади. Вотъ погоди жъ; думаетъ тотъ, я надъ нимъ потѣшусь: и вышелъ. — Что, братъ,

лошаденку, что ль, тебѣ подарить? Цыганъ кланяется, молчитъ. Выведите–ка вотъ такихъ–то, такъ мы ихъ тутъ попробуемъ, да выберемъ, которая получше будетъ: хорошему человѣку надо и хорошую скотину держать. Вывели тройку: одна дорогая лошадь, другая — подъ стать ей, третья поплоше, однако не мужицкой подъ стать. — Сядь–ка на эту, сказалъ баринъ цыгану, указывая на плохую, да попробуй ее, полюбится ли она тебѣ! Цыганъ поклонился въ поясъ, взвалился на лошадь, да безъ оглядки и поѣхалъ со двора. — Куда жъ ты, закричалъ баринъ, ты погляди прежде, годится ли? — Даровому коню въ зубы не глядятъ, баринъ, отвѣчалъ тотъ, поклонился низенько и поѣхалъ. — Ну, передъ тобой, сказалъ баринъ, молодецъ: не поддался! поѣзжай, лошадь твоя!

Съ этихъ–то поръ цыганъ зажилъ опять по настоящему обычаю своему и по охоткѣ: съ денегъ цыгану никогда талану нѣтъ, богатство ему не далось, на одномъ мѣстѣ сидѣть также не рука; а коли добрая

лошадь попалась, такъ съ нея онъ всего скорѣе разживется: такъ съ нимъ и сталось!